

Су Цюн не помнил, когда в последний раз после своего спуска на землю принимал ванну. Равно как уже не помнил, каково было в купальнях Небесного Дворца. Он лишь мог предположить, что это было прекрасно. Но, может, не так прекрасно, как сейчас.

Горячая вода, окрашенная в синий от соли для ванн, окутывала его тело, а пар, исходящий от нее наполнял ванну туманом. Линь Фу сидел рядом на корточках и улыбался, глядя на Су Цюна с тихой печалью.

— Мне правда удобно, — Су Цюн серьезно кивнул Линь Фу.

Даже за сотню возможностей посетить купальни он не променял бы этот момент.

Вода замутнилась от соли для ванн, так что коварный президент Линь, так ничего и не разглядев, печально вышел из ванной.

Су Цюн отмокал до тех пор, пока вода не остыла. Когда он наконец вылез, то первым делом спустил воду, а затем быстро вытерся и накинул пижаму.

Простая серая ткань в крупную клетку непостижимым образом делала его лицо еще более милостивым.

После Су Цюна в ванную пошел Линь Фу, желающий смыть с себя всю грязь рабочего дня. После быстрого душа он вышел в точно такой же пижаме, что и Су Цюн.

Су Цюн, стоявший у окна спиной к Линь Фу, заметил его в отражении и смущенно обернулся.

"У него такая же пижама... Пойдите, пижама?!" — маленький бог бедности от волнения крепко стиснул пакет, что держал до этого, и немного рисовых зерен просыпалось на пол.

Линь Фу помог ему все собрать, а потом лукаво улыбнулся.

— Нервничаешь?

— Н-нет, — Су Цюн энергично замотал головой и поспешил отвернуться и начать высыпать рис в самодельные миски. К слову, "миски" эти представляли собой обрезанные доньшки выброшенных пластиковых бутылок. Всего их было десять, и они стояли стройным рядом вдоль подоконника.

В начале зимы Су Цюн каждый день наполнял их рисом и выставлял на ночь на улицу, а с утра

вносил в дом. Сколько бы он раз так ни делал, наутро рис каждый раз исчезал.

Линь Фу всегда думал, что Су Цюн подкармливал птиц. Хоть он, конечно, и не видел ни разу, как какая-нибудь пташка клюет рис, и был смущен тем, что местные воробьи могут съесть такое огромное количество еды, но каждый раз рис все-таки исчезал.

"Мой милашка такой заботливый", — подумал Линь Фу, помогая Су Цюну выставлять миски с рисом за окно.

Су Цюн стоял у окна и ласково смотрел на ночных гостей, прилетевших поклевать рис.

У рожденной в этом году синей птицы уже появились лазурного цвета перышки, а красный журавль, аккуратно присевший на подоконник, теперь по окрасу ярче зари. Маленький желтый феникс, совсем недавно вылупившийся и еще совсем черненький, тоже прилетел поесть риса. Чудесная стоголосая птица сидела рядом, напевая то иволгой, то ухая, как филин. Одноногий Бифан[1] и трехлапый золотой ворон, с первого взгляда невлюбившие друг друга, как дети шумно галдели и старались отобрать друг у друга зерна риса.

[1] - Бифан - божество огня, представляемое в виде одноногой птицы.

Все они были мифическими животными, жившими в окрестностях города и в ближайших горах. Пережить зиму для них всегда очень сложно, так что они повадились каждый день приходить к доброму маленькому богу, отдающему им часть своей еды.

Но Линь Фу не мог ничего этого видеть. Он просто наблюдал за тем, как Су Цюн смотрел в ночь за окном и тихо улыбался, кажется, представляя как воробьи прилетят и поедят его риса.

Что-то теплое вспыхнуло в груди Линь Фу, и не успел он опомниться, как уже обнимал Су Цюна.

— Будь со мной, — он развернул его лицом к себе и прислонился лбом к его лбу. Их дыхание смешалось. — Пожалуйста?

Су Цюн в сомнении отпрянул и поджал губы.

— Пока я смогу жить с тобой, даже так, меня ничего не будет волновать, — искренне продолжил Линь Фу. — Тебе не кажется, что мы сейчас очень счастливы?

Взгляд Су Цюна панически заметался.

— Но... — начал он дрожащим голосом.

— Пообещай, — Линь Фу шагнул вперед, и они с Су Цюном упали на кровать. Нежно огладив пальцами подбородок Су Цюна, он поцеловал того в губы. Они были столь мягки, так сладки на вкус, и хриплый прерывающийся голос Линь Фу эхом отдавался в тумане мыслей Су Цюна. — Пообещай... Скорее пообещай, что мы будем вместе... Я тебя так люблю... Знаю тебе я тоже небезразличен...

Су Цюн от волнения почти не мог дышать. Инстинктивное желание оттолкнуть Линь Фу исчезло в наслаждении поцелуем. И только они углубились в процесс, как с громким хлопком кровать под ними рухнула...

Два человека приземлились на груды разломившихся досок...

На какое-то время в комнате повисла тишина. Вдруг Линь Фу откинулся назад и расхохотался. Су Цюн рассмеялся следом, и от смеха его лицо заалело.

Так они сидели, смущенные, в облаке пыли, но такие счастливые.

— Ха-ха-ха, я забыл поменять тебе кровать, — Линь Фу утер выступившие от смеха слезы. — Какой просчет.

Су Цюн медленно поднялся на ноги и протянул руку Линь Фу.

— Кстати, ты так еще и не пообещал мне, — Линь Фу скрестил ноги и отказался вставать. — Пока ты мне обещаешь, я буду сидеть здесь неподвижно.

Су Цюн улыбнулся и хотел было что-то сказать, как вдруг Линь Фу потянулся вперед и вытащил у него из-за ноги игрушку.

Ей оказался пластмассовый солдатик в синей форме с кобурой на плече.

Линь Фу широко распахнул глаза и быстро повернул игрушку. На спине солдатика было вырезано кривое "Фу". Су Цюн не успел ничего сказать, а теперь не мог подобрать слов.

— ...Я играл этим в детстве, — тихо пробормотал Линь Фу.

Су Цюн тихо опустил голову и до побеления сжал пальцы.

— Когда я был маленьким, то любил вырезать свое имя на игрушках... — Линь Фу недоверчиво провел пальцем по спине солдатика, а затем вдруг одним движением отшвырнул доски вместе с одеялом и простынями в сторону.

— Стой... — протянутая рука Су Цюна застыла в воздухе.

— Это моя игрушка, и это, и это. Их всех выбросили, когда мы переехали... — Линь Фу перебирал игрушки одну за другой и, наконец, вытащил из-под доски круглую коробку из-под печенья. Крышка ее отскочила, и внутри было видно пуговицу и фотографию.

Пуговица была необычной. На ней красовался золотой орел, и она была сделана специально для частной школы, в которой учился Линь Фу. А фотография была вырезана из прошлогоднего финансового журнала.

— Ты знаешь меня очень давно, — Линь Фу встряхнул фотографией. Взгляд его, устремленный на Су Цюна, подернулся холодом. — Зачем тогда притворяться незнакомцем?

— Я... — Су Цюн поспешно открыл рот, но все слова встали комом поперек горла, а холодный пот выступил на висках. — Просто...

"Причина этому всему, что... на самом деле я бог бедности, спустившийся с небес. Я знал тебя, потому что..." — Су Цюн стиснул кулаки, боясь признаться.

Линь Фу криво улыбнулся и проговорил дрожащим голосом:

— Ты был влюблен в меня с детства, да? Когда ты был маленьким, ты жил рядом, но я тебя никогда не замечал. А потом ты вырос, изменился, и я тебя попросту не узнал. И ты мне ничего не рассказывал, потому что хотел удивить, да?

— Нет, это не так... — тихо покачал головой Су Цюн.

— Я все придумал за тебя, тебе только надо было сказать "да"! — с болью выкрикнул Линь Фу.

Любовные страдания властного президента!

Су Цюн даже не знал, плакать ему или смеяться.

— ...Я пойду, — наконец выдавил он. Фотография выпала у него из рук. Подняв пиджак, он медленно поднялся на ноги. — Подумаю об этом... в тишине.

Договорив, властный президент накинул пиджак на пижаму и вышел вон...